

Д. П. КАЛЛИСТОВ

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ РИМА

Многочисленные работы зарубежных ученых, посвященные падению Римской республики и переходу к империи, в целом могут быть охарактеризованы теми же чертами, что и работы по истории афинской демократии. Здесь также можно отметить недооценку, а порой и полное игнорирование социально-экономической обстановки времени гражданских войн в Риме и формирования империи, что приводит либо к голому эмпиризму, либо к таким построениям, которые находятся в полном противоречии с фактическим материалом, раскрывающим картину ожесточенной классовой борьбы, обусловленной в конечном счете противоречиями рабовладельческого строя. Тенденция всячески преуменьшить значение рабовладельческих отношений и классовой борьбы рабов в античном обществе весьма характерна для многих буржуазных ученых.¹ Как правило, им чуждо и стремление раскрыть общие закономерности в развитии исторического процесса, не говоря уже о том, что многие представители современной буржуазной науки в принципе отрицают существование такого рода закономерностей.² При этом в трудах

---

¹ Об этом см.: Е. М. Штаерман, ВДИ, 1959, № 1, стр. 152 сл.; ср.: J. Vogt. *Struktur der antiken Sklavenkriege*. Mainz, 1957.

² В качестве примера такого рода взглядов можно привести А. Аумард и И. Аубоуег. *Rome et son empire*. «Histoire générale des civilisations», II, 1954, стр. 7 и сл.; (реф.: Н. И. Голубцова, ВДИ, 1956, № 4, стр. 85 сл.); Р. Н. Ваггов. *The Romans*. London, 1949, р. 9 сл. (реф.: М. И. Рижская, ВДИ, 1954, № 1, стр. 89 сл.). Другие примеры см. рецензии: А. И. Немировский, 1) ВДИ, 1951, № 3, стр. 169 сл.; 2) ВДИ, 1953, № 2, стр. 141 сл.; Е. М. Штаерман, 1) ВДИ, 1953, № 3, стр. 118 сл.; 2) ВДИ, 1959, № 1, стр. 159 сл.

буржуазных историков мы постоянно встречаемся с приемами модернизации общественных отношений, существовавших в древности, модернизации тенденциозной, ибо авторы этих работ обычно исходят из совершенно произвольных предположений о мнимом сходстве последнего периода истории Римской республики с нашим временем. Опираясь материалом древней истории, они стремятся доказать или опровергнуть положения, никакого прямого отношения к истории древнего Рима не имеющие и, напротив, непосредственно связанные с животрепещущими проблемами нашего времени, трактуемыми очень часто с сугубо реакционных позиций.³ Ко всему этому нужно прибавить, что как раньше, так и теперь для многих представителей зарубежной исторической науки типична погоня за сенсацией, стремление во что бы то ни стало сказать новое слово по таким вопросам, по которым нет никаких оснований для пересмотра результатов прежних исследований.

Эти особенности новейшей буржуазной историографии обнаруживаются очень ярко в различного рода построениях и концепциях, которые выдвигаются в трудах, посвященных кризису Римской республики и переходу к империи. Если в свое время Т. Моммзен, при всей его склонности к идеализации Цезаря, которому он приписывал надклассовую и надсословную политику, все же исходил из социального анализа борющихся в Риме сил, то в ряде новейших работ социально-политический анализ отступает на второй план или полностью отсутствует. Так, например, Р. Смит, автор вышедшей в 1955 г. в Англии книги «Упадок римской республики»,⁴ призывает искать причины кризиса римского государства не в сфере экономических или политических отношений, а в сфере духовной. Сходный взгляд за несколько лет до выхода в свет книги Р. Смита был высказан тоже английским историком Р. Барроу.⁵ Проблема падения Римской республики рассматривается им в нескольких аспектах, одинаково далеких от социально-экономической истории римского общества, в частности, и в аспекте борьбы староримского духа, который определяется им прежде всего как чувство субординации,⁶ с напылом чуждых духовной природе римлян эллинистических идей.

³ См., Е. М. Штаерман, ВДИ, 1959, № 1, стр. 154 сл.; М. А. Гаспаров, 1) ВДИ, 1958, № 2, стр. 221 сл.; 2) ВДИ, 1959, № 2, стр. 203 сл.

⁴ R. E. Smith. The Failure of the Roman Republic. Cambridge, 1955. Ср.: М. А. Гаспаров, ВДИ, 1959, № 2, стр. 203.

⁵ R. H. Barrow. The Romans. London, 1949. Ср.: М. И. Рижский, ВДИ, 1954, № 1, стр. 89 сл.

⁶ R. H. Barrow, ук. соч., стр. 218.

На несколько иной, но тоже идеалистической точке зрения стоят Коуэлл⁷ и давший на его книгу очень положительную рецензию известный историк Кери.⁸ Они видят главную причину гибели республиканского строя в Риме в том, что широкие слои граждан утратили спасительную веру в нравы предков, а возглавлявшие государство деятели погрузились в апатию, что открыло путь для авантюристических элементов, действовавших в обстановке борьбы сословий. Совсем уж особую позицию в этом вопросе занимает Уилкин, автор вышедшей в США популярной работы о Цицероне.⁹ По его мнению, если бы Цицерон протянул руку Цезарю и вступил с ним в союз, Римская республика вообще не прекратила бы своего существования, и весь последующий ход истории был бы совсем другим.

Но и в тех случаях, когда буржуазные историки Рима в принципе не отрицают известной роли социально-экономических факторов в падении республиканского строя, для них характерна тенденция преуменьшить их значение. В качестве примера в данном случае можно привести хотя бы небольшое исследование Шервина Уайта,¹⁰ стремящегося доказать, путем в достаточной мере произвольной интерпретации литературных источников, что наши представления об остроте социально-политической борьбе в Риме в I в. до н. э. крайне преувеличены, что на самом деле борьба эта вовсе не отличалась особой остротой, и что этот период отнюдь не характеризуется господством насилия и произвола.

Следует отметить, что даже такой известный своими трудами по истории экономической жизни ученый, как Ф. Гейхельгейм, в своей новой и во многих отношениях очень содержательной и интересной работе по экономической истории Рима и Италии¹¹ с какой-то поражающей односторонностью связывает свои выводы, построенные на анализе экономических явлений, с событиями социально-политическими. Так, например, он связывает начало гражданских войн в Риме, движение Гракхов, с вздорожанием хлеба, которое было вызвано рядом неурожаев. Никаких других более глубоких экономических причин, вызвавших обострение социально-политической борьбы в конце II в. до н. э., в работе Гейхельгейма уловить нельзя. То же можно сказать о неболь-

⁷ F. R. Cowell. Cicero and the Roman Republic. Harmondsworth, 1956.

⁸ «Journal of Roman Studies» (London), v. XXXIX, 1949, p. 157 сл.

⁹ R. Wilkin. The Eternal Lawyer. N. Z., 1947, p. 116.

¹⁰ A. N. Sherwin-White. Violence in Roman politics. «Journal of Roman Studies», v. XLVI, 1956 (1957), 1—2, p. 1 сл.

¹¹ Раздел, посвященный социально-экономической истории Рима в IV томе «Historia Mundi», Bern, 1956. Ср. ред.: С. И. Ковалев и А. И. Немировский, ВДИ, 1957, № 4, стр. 167 сл.

шом, но очень интересном и содержательном исследовании Тибилетти, специально посвященном вопросу о латифундиях в Италии конца II и I вв. до н. э.¹² Устанавливая ряд очень интересных фактов, касающихся этой формы крупного рабовладельческого хозяйства, Тибилетти, однако, фактически снимает вопрос о борьбе крупного и мелкого землевладения в Италии рассматриваемого времени. Борьба против латифундий, с его точки зрения, никогда не была прямой целью вождей социальных движений в последний век существования Римской республики. Интересно, что и Эймар, автор соответствующего раздела во II томе «*Histoire générale des civilisations*»,¹³ отнюдь не пренебрегающий социально-экономической стороной истории Рима, никак не использует свои наблюдения и выводы для соответствующей трактовки кризиса республики. Политические события даются им в полном отрыве от социально-экономической обстановки. Кризис республики, с его точки зрения, — прямое следствие соперничества честолюбивых полководцев, возглавлявших профессиональные армии.¹⁴

Приведенные данные о взглядах отдельных зарубежных ученых на причины падения Римской республики и переход к империи, как нам кажется, с достаточной ясностью показывают, что в современной буржуазной историографии трудно наметить какие-либо определенные школы или направления, подобные тем, какие существовали в XIX и в начале XX в. Если уж говорить об общих, присущих построениям многих авторов чертах, то их следует скорее определять не позитивными, а негативными чертами. Почти всем этим работам в большей или меньшей мере присущи недооценка или даже отрицание роли социально-экономических факторов в развитии исторического процесса, игнорирование рабовладельческой структуры римского общества, отрицание значения восстаний рабов и т. д. Тем не менее, если не в общих концепциях, то в трактовке некоторых вопросов, важных для понимания последнего периода истории Римской республики, все же можно наметить известного рода преемственность между взглядами отдельных ученых, некоторые общие принципы исследования. В частности, это относится и к вопросу о характере борющихся друг с другом политических группировок, к вопросу о римских «политических партиях».

¹² G. Tibiletti. Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Gracana al principio dell'Impero. «Relazioni del X Congresso Internaz. di Scienze storiche», 1955, II, p. 235 сл.

¹³ A. Aymard et I. Auboyer. Rome et son empire. «Histoire générale des civilisations», t. II, p. 1954.

¹⁴ Там же, стр. 128 сл., 244 сл.

Как решался этот вопрос Моммзенем и всеми теми учеными, которые могут быть названы его последователями? Совершенно прав профессор Н. А. Машкин, когда он в своем исследовании, специально посвященном «Римским политическим партиям в конце II и начале I в. до н. э.», пишет, что вопрос этот в сущности Моммзенем и не ставился; он являлся для него «постулатом, не вызывающим сомнения».¹⁵ Характеризуя политическую борьбу времени гражданских войн в Риме, Моммзен безоговорочно использует политическую терминологию своего времени. Для него борьба оптиматов и популяров — это борьба «аристократической» и «демократической» партий.¹⁶ Можно не сомневаться, что такой исключительный знаток римских древностей, каким был Моммзен, отлично понимал историческое своеобразие римской политической жизни и отдавал себе полный отчет в том, что политические группировки, с какими мы встречаемся в древнем Риме, существенно отличались от политических организаций его времени. Но Моммзен писал свою «Историю Рима», предназначавшуюся, в отличие от других его специальных исследований, для широкого круга читателей, в то время, когда формировалось германское централизованное государство. Как известно, он был одним из ревностных сторонников объединения Германии под монархической властью, которая в его представлении должна была носить «демократический» характер. Стремясь доказать историческую реальность такой государственной формы, Моммзен использовал материал римской истории. Это было вполне сознательное модернизирование древних отношений, нарочитое стремление приблизить далекое историческое прошлое к своим современникам, чтобы они могли воспользоваться уроками истории. Отсюда столь характерные для повествовательной манеры Моммзена сравнения: Карфагена с Лондоном; Цезаря, который в глазах Моммзена был идеалом монарха, стоящим над классами и радующим о всем народе, — с Кромвелем; Аттала III — с Лоренцо Медичи и т. д. Благодаря литературному таланту и темпераменту Моммзена, его «История Рима» имела огромный успех и в Германии и в других странах Европы и оказала большое влияние на многих историков, в том числе и на нашего соотечественника, покойного академика Р. Ю. Виппера. В своих «Очерках истории Римской империи»,¹⁷ пользующихся у нас заслуженной известностью, он нередко повторяет терминологические приемы Момм-

¹⁵ Н. А. Машкин, ВДИ, 1947, № 3, стр. 126 сл.

¹⁶ Т. Моммзен. История Рима, т. II. М.—Л., 1937, стр. 73; т. III, стр. 141 и многие другие места (русский перевод).

¹⁷ Р. Виппер. Очерки истории Римской империи. М., 1908.

зена. Терминология эта продолжает широко использоваться в книгах зарубежных ученых и по настоящий день.

Однако концепция Моммзена — его тенденция изображать борющиеся на политической арене Рима группировки по образу и подобию политических партий его времени — не могла не вызвать возражений. Первым решительно выступил против этой концепции М. Гельцер,¹⁸ явившийся родоначальником нового, так называемого просопографического направления.¹⁹ В цитированном выше исследовании Н. А. Машкина о политических партиях в Риме дается обстоятельная характеристика трудов первых представителей этого направления. Дальнейшее его развитие не менее обстоятельно охарактеризовано в ряде рецензий А. И. Немировского.²⁰

Основные тезисы Гельцера могут быть сформулированы следующим образом. Политическая жизнь Рима отличается своеобразием. Между такими постоянно встречающимися у античных авторов терминами, как «factio» и «pars», и политическими партиями в современном смысле этого слова нет ничего общего. Римские оптиматы и популяры отнюдь не представляли собою аристократическую и демократическую партии. Не могут они быть названы и аристократическим, и демократическим течениями уже по одному тому, что противоречия между аристократическим и демократическим принципами в политической жизни Рима отнюдь не могут быть названы основными. Термин «popularis», если учесть словоупотребление источников, означал не политическую программу или воззрение, а скорее тактику тех или иных политических вождей. Не случайно, например, у Цицерона и у других авторов за словом «pars» — «партия» обычно следует прилагательное, образованное от имени вождя, возглавляющего эту партию (pars Pompeiana, pars Clodiana и т. д.).

Ф. Мюнцер, полностью воспринявший взгляды Гельцера, в большом исследовании, специально посвященном аристократическим партиям и аристократическим родам,²¹ приходит к выводу, что политическая жизнь Рима в первую очередь определялась борьбой между отдельными влиятельными родами за политическое влияние и власть. Вся история Римской республики

¹⁸ M. Gelzer. 1) Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig, 1912; 2) Die römische Gesellschaft zur Zeit Ciceros. «Neue Jahrbücher für klassische Philologie», 1920; 3) Caesar, der Politiker und Staatsmann. Berlin, 1921.

¹⁹ Н. А. Машкин, 1) ВДИ, 1947, № 3, стр. 127 сл.; 2) Принципат Августа, М., 1949, стр. 359 сл.

²⁰ А. И. Немировский, 1) ВДИ, 1951, № 3, стр. 169; 2) ВДИ, 1953, № 2, стр. 141 сл.

²¹ F. Münzer. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.

может быть подразделена на периоды господства тех или иных знатных родов и фамилий. При этом очень существенную роль играли родственные, брачные, семейные и личные связи между отдельными представителями римской республиканской знати. Отсюда значение всякого рода просопографических исследований, призванных раскрыть перед нами сущность политической жизни древних римлян. Излагаемые положения Гельцера и Мюнцера в дальнейшем были приняты и развиты в работах целого ряда буржуазных историков. В работе Шура, посвященной истории Рима в годы второй Пунической войны,²² проводится мысль, что не только внутренняя политическая жизнь, но и внешняя римская политика в первую очередь зависела от соотношения сил и борьбы между влиятельными родами Фабиев, Клавдиев, Корнелиев. Пользуясь просопографическими приемами исследования, видный английский историк Р. Сайм стремится доказать, что родственные, дружеские, клиентские связи представляли собою ту основу, на которой зиждились борющиеся в Риме друг с другом группировки, возглавляемые честолюбивыми вождями.²³ Та же мысль лежит в основе книги А. Премерштейна, вышедшей в свет за два года до опубликования работы Р. Сайма. Решающим в деятельности римских политических группировок, с точки зрения Премерштейна, была не программа, а личность вождя, связанного со своими сторонниками стародавними отношениями патроната и клиентелы.²⁴ Л. Росс Тэйлор, автор книги, специально посвященной «Партийной политике в Риме во время Цезаря»,²⁵ в этом отношении идет еще дальше. По ее мнению, не только граждане, но и солдаты реформированной Марием армии следовали за своими вождями-полководцами потому, что видели в них прежде всего своих патронов, потому, что были связаны с ними той клятвой верности, какую давали римские клиенты своим патронам.²⁶ Италики в этом отношении не представляли собою исключения. По мере того, как они включались в ряды полноправных римских граждан, они становились клиентами тех или иных политических деятелей. Когда же республика перестала существовать и власть сосредоточилась в руках Октавиана-Августа,

²² W. Schur. Scipio Africanus und die Begründung der römischen Welt-herrschaft. 1927.

²³ R. Syme. The Roman Revolution. Oxford, 1939. См. рецензию на эту книгу: Н. А. Машкин, ВДИ, 1947, № 1, стр. 116 сл.

²⁴ A. Premerstein. Zum Werden und Wesen des Prinzipats. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaft, Phil.-hist. Abt., № 15, 1937.

²⁵ L. Ross Taylor. Party politics in the age of Caesar. Los Angeles, 1949. См. рец.: А. И. Немировский, ВДИ, 1951, № 3, стр. 169 сл.; Е. М. Штаерман, ВДИ, 1950, № 3, стр. 155.

²⁶ L. R. Taylor, ук. соч., стр. 47.

все граждане стали клиентами главы государства.²⁷ В этом, по взгляду Л. Росс Тэйлор, и заключалась суть происшедшей в Риме политической перемены.

Не меньшее значение придает патронату и клиентеле Скаллард. В своей книге «Римская политика в 220—150 гг. до н. э.»²⁸ он отводит большое место выяснению связей, существовавших между отдельными римскими родами. В конечном итоге он приходит к выводу, что и в последнем периоде существования Римской республики главная линия борьбы — это не борьба между аристократией и народом, а соперничество между отдельными группировками нобилитета.²⁹ К просопографическому направлению должен быть причислен и Броутон — автор двухтомного труда, в котором собран и сведен воедино очень значительный материал о римских магистратах.³⁰

Нельзя не согласиться с Н. А. Машкиным, что широкое и систематическое использование просопографических данных в целом ряде случаев «позволяет решить ряд важных частных вопросов римской социальной истории».³¹ Конкретное изучение отдельных событий эпохи гражданских войн может, конечно, только выиграть от выявления взаимоотношений между теми или иными влиятельными родами. Просопографические исследования помогают и при освещении таких очень важных для понимания римской истории вопросов, как вопрос о выступлении на политической арене новых социальных слоев; в конце республики эти «*homines novi*» начинают играть все большую и большую роль. Нельзя не согласиться и с тем, что тезис Гельцера и его единомышленников о своеобразии римской политической жизни имеет под собой реальную почву. Существование прочных политических традиций, культивируемых из поколения в поколение в отдельных римских родах, характерное для римской политической идеологии равнение на предков, своеобразный римский консерватизм, с которым мы встречаемся даже у таких радикальных политических деятелей, как Гракхи — все это факты, не вызывающие сомнений. У нас нет и не может быть никаких оснований, следуя за традицией Моммзена, воспринимать политическую жизнь древних римлян в категориях совершенно иных эпох.

²⁷ Там же, стр. 174.

²⁸ H. Scullard. Roman politics. 220—150 B. C. Oxford, 1949. См. рец.: А. И. Немировский, ВДИ, 1953, № 2, стр. 141а.

²⁹ H. Scullard, ук. соч., стр. 30.

³⁰ T. S. Broughton. The Magistrates of the Roman Republic, I—II. N. Y., 1951—1952.

³¹ Н. А. Машкин высказывает это мнение в связи с оценкой работы Сайма (ВДИ, 1947, № 1, стр. 119).

Но можно ли примирить с известными нам из источников фактами римской истории главное положение Гельцера и его последователей? Ведь согласно их взглядам, римские оптиматы и популяры — не два различных течения, преследующие различные политические цели, а две группировки внутри нобилитета, борющиеся за власть и использующие в этой борьбе различную тактику. Можно ли считать повторяющиеся на протяжении всего периода гражданских войн требования распределения земельных участков между малоимущими гражданами, удешевления хлеба за счет государственных дотаций и частичной или полной кассации долгов только демагогическими приемами, пускаемыми в ход политическими вождями в целях привлечения на свою сторону необходимого для осуществления их честолюбивых замыслов большинства граждан?

И Аппиан, и Плутарх с полной определенностью связывают излагаемые ими события гражданских войн с борьбой между «богатыми» и «бедными». Имеется в виду известное место из 7-й главы I книги Аппиана, в которой рассказывается, как эти «богатые» отчасти покупали, отчасти отнимали силой расположенные вблизи принадлежащих им земель участки бедняков. Почти в тех же выражениях пишет об этом и Плутарх в 7-й главе биографии Тиберия Гракха. И для него, как и для Аппиана, — «народ» — активная сила, побуждающая Тиберия Гракха выступить с его историческим законопроектом. При этом Аппиан и Плутарх упоминают об угрожающем росте численности рабов. Кстати сказать, рабы и их движения почти начисто выпадают из концепции названных выше представителей просопографического направления; и не только рабы, но и римские всадники, ибо и для них не находится места в той картине политической борьбы между отдельными группировками нобилитета, которую изображают историки этого направления. В этой связи нельзя не упомянуть о работе Г. Хилла «Римский средний класс в период республики»,³² в которой предпринята малоуспешная попытка доказать, что римское всадничество стремилось лишь к тому, чтобы никто не мешал ему спокойно заниматься коммерческими делами. В данном случае все преимущества целиком оказываются на стороне Моммзена, с полным основанием утверждавшего, что долгое время вопрос о всаднических судах был наиболее острым и актуальным вопросом политической жизни республиканского Рима.

Какие в самом деле основания могут быть для игнорирования содержащихся в дошедшей до нас традиции данных?

³² H. Hill. The Roman Middle Class in the republican period. Oxford, 1952 (см. рец.: М. Л. Гаспаров, ВДИ, 1959, № 2, стр. 206).

Ни у самого Гельцера, ни у суммировавшего основную его аргументацию Штрасбургера,³³ ни у других представителей пропосографического направления мы не найдем прямого ответа на этот вопрос. Все они предпочитают основывать свои выводы на свидетельствах авторов-современников гражданских войн. Действительно, до 80-х годов I в. до н. э. мы не располагаем непосредственными свидетельствами современников гражданской войны. Когда же появляются свидетельства таких современников и участников событий, как Саллюстий, Цезарь, Цицерон, то обнаруживается, что эти авторы настолько были охвачены жаром политической борьбы, что на первом месте в их произведениях действительно стоят симпатичные или антипатичные им лидеры борющихся группировок, многие из которых принадлежали к знатнейшим родам Римской республики. При таких условиях нетрудно найти сколько угодно примеров столкновений и борьбы между отдельными политическими деятелями, принадлежавшими к среде римского нобилитета. Дает ли это, однако, право исследователю, изучающему историю гражданских войн, отказаться от всяких обобщений, начисто снять такую, казалось бы, первостепенную по своему значению задачу, как выяснение вопроса о тех социальных силах, которые стояли за спиной каждого из борющихся друг с другом вождей. Как это ни парадоксально звучит, но Плутарх и Аппиан в данном случае оказались в состоянии гораздо больше сделать в направлении разрешения этого вопроса, чем крупные специалисты-историки нашего времени. Конечно, дело тут не в уровне ученой квалификации занимающихся этим кругом вопросов специалистов по римской истории, а в тех принципиальных предпосылках, которыми они руководствуются. Совершенно прав был Н. А. Машкин,³⁴ когда он, разбирая взгляды Гельцера, Мюнцера, Премерштейна и других представителей этого направления, пришел к выводу, что в основе их построений лежит смазывание классовой борьбы, игнорирование народа, отрицание за народом творческой роли в историческом процессе. Если политическая борьба происходит только в среде одного нобилитета, узкого круга республиканской знати, если решающую роль в этой борьбе играют одни вожди, то что же, спрашивается, остается на долю народа? Пассивное следование за вождями и какая-то удивительная косность, порождающая слепое преклонение перед древними обычаями, обязывавшими клиентов свято соблюдать верность своим патронам.

Могла ли иметь место в исторической действительности эта пассивность народа и его слепое преклонение перед обычаями

³³ Н. Strasburger. *Optimates*, RE, Bd. 35, p. 775 сл.

³⁴ Н. А. Машкин, ВДИ, 1947, № 3, стр. 126 сл.

далекого прошлого? На этот вопрос с полной определенностью отвечает вся известная нам римская литературная традиция. Нет латинского автора времени конца республики и начала принципата, который бы не сокрушался, не писал о падении нравов и пренебрежении заветами предков.³⁵ Какие же у нас могут быть основания считать, что древняя «fides» — «верность» клиентов своим патронам, могла представлять собою какое-то совершенно непонятное и необъяснимое исключение? Можно ли думать, что в век тяжелого экономического кризиса и постоянных социальных и политических потрясений, в век небывалого обострения классовой борьбы, когда все рушилось и все подвергалось переоценке, только одни отношения древнего и давно уже себя изжившего патроната и клиентелы продолжали оставаться незабываемыми, заменяя собой связи, основанные на общности социально-экономических и политических интересов?

---

³⁵ См.: С. Л. Утченко. Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952, стр. 109 и сл., где приведены примеры высказываний этого рода античных авторов.